

*И над твоею головой
Склонился ангел поседевший.
Не ты один осиротевший —
Скажи спасибо, что живой!*

НЕПОКОРЁННЫЙ

Владимир Скобцов

НЕПОКОРЁННЫЙ

Владимир Скобцов, поэт, бард, прозаик, член Союза писателей Донецкой Народной Республики, с первых дней встал в ряды антифашистского Сопротивления Донбасса.

Во время войны его талант обрёл второе дыхание, поднявшись на уровень высокой гражданской поэзии, которой славится русская литература.

Несравненная Юнна Мориц, безошибочно чувствующая стих, назвала Владимира Скобцова легендарным Орфеем Донбасса не случайно — его стихи и песни в тяжёлый час испытаний помогли выжить и победить народу великому, гордому, непокорённому.

Александр МИРЗАЯН

Владимир Скобцов

Владимир СКОБЦОВ

НЕПОКОРЁННЫЙ

Донецк – 2016

УДК 821.161.1-1-3
ББК 84.4 ДНР-Рос6
С44

Скобцов В. Л.

**С44 Непокорённый. – ФЛП Чернецкая Н.А.,
Донецк, 2016. – 100 с.**

ISBN 978-966-2201-25-3

Владимир Скобцов – один из самых известных поэтов и бардов, которые сейчас живут и работают в Донецке и посвящают ему и всему Донбассу свои произведения. В книге «Непокорённый» автор рассказывает читателям, как в опустевшем Донецке буквально из пепла возрождается новая культурная жизнь, а поэзия обретает второе дыхание в тяжелое военное время.

Для широкого круга читателей.

**УДК 821.161.1-1-3
ББК 84.4 ДНР-Рос6**

ISBN 978-966-2201-25-3

©Скобцов В.Л., 2016
©Чернецкая Н.А., 2016
(издание, оформление, печать)

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОРФЕЙ ДОНБАССА

*Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?*

А. Пушкин.
«Клеветникам России»,
1831

Поэзия – это язык тайного знания, таким языком написаны Ветхий и Новый Завет все священные книги, все мифы народов мира, где самые свежие новости дня – и на завтра, и на послезавтра.

У Пушкина в сто раз меньше высоких технологий и в сто раз "хуже" рифмы, чем у сегодняшних рифмозайчиков, которые с восторгом взаимного восхищения признали наглую волю именно того, под кем должна дрожать Россия. Сегодня русская поэзия делится на тех, кто признал и на тех, кто не признал эту наглую волю того – под кем дрожать!..

Прекрасный поэт Владимир Скобцов не признал, и хуже того, он – легендарный Орфей Донбасса, великого Сопротивления дрожанию! Великолепные цитаты его поэзии переживут любой срок давности, но сейчас я не хочу превращать его в цитатный танк и в цитатный банк. А хочу, чтобы Вы, драгоценный Читатель, в этой книге увидели родного, живого, трепетного Человека, у которого – сильный, породистый талант, Божий дар, язык тайного знания. И вне зависимости от любых событий, такой поэт – всегда историческое событие, его поэзия превращает действительность гегемонстра – в недействительность!.. Таков язык тайного знания – как не дрожать!..

Юнна Мориц

*Тот, кто останется живой,
Пусть наши судьбы не осудит.
Мой край, я чист перед тобой,
А остальное — будь, что будет.*

В. Скобцов

НЕПОКОРЁННЫЙ

(посвящается Донецку)

Не надо плакать над судьбой,
Прибереги души чернила,
Она тебе не изменила,
Она по-прежнему с тобой.
Звенит натянутой струной
Судьба, её не выбираем.
Между чистилищем и раем
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над страной,
Где слёзы ничего не значат,
Она, поверь мне, не заплачет
Ни над тобой, ни надо мной.
Незванным гостем в дом родной
Уже грядёт иной порядок,
Где человечины вкус сладок.
Скажи спасибо, что живой.

Не надо плакать над собой –
Солдатик, вышедший из комы,
Сказал, что там полно знакомых,
Как будто съездил он домой.
И над твоею головой
Склонился ангел поседевший –
Не ты один осиротевший,
Скажи спасибо, что живой!

МОЙ РАЙ

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.

Его судьба – нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.

Был столько раз оболган, продан, предан...
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и Родину свою.

Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не встанет сам.

НЕ ИЗМЕНИ

В который век в рассветной мгле
Тебя сирены вой разбудит,
Не измени своей земле,
А остальное – будь, что будет.

Когда накроет тьма зенит,
Душа оглохнет от орудий,
Своей земле не измени,
А остальное – будь, что будет.

Когда страна твоя в огне
И слёзы горя не остудят,
Не измени своей земле,
А остальное – будь, что будет.

Тот, кто останется живой,
Пусть наши судьбы не осудит,
Я буду чист перед тобой,
А остальное – будь, что будет.

ТАНГО 14-ГО ГОДА

В начале слово,
В конце расстрелы,
Пророку снова
Заводят дело.

Майдан безгрешен,
Но брошен камень,
Майдан крошечен,
Где брат твой, Каин?

Камлание хора,
Глаза пустые,
Прогнали вора,
Позвали Вия.

Горят станицы,
В петле окраин
Хрипит столица:
«Где брат твой, Каин?»

Героям слава,
Как говорится,
Течёт кровава
В реке водица.

В герои, к славе ль
Твой путь закаян,
Где брат твой Авель?
Ответь мне, Каин.

А кровь всё льётся,
Мадонна плачет,
Дурак смеётся,
Иуда скачет.

На гроб уселся
Товарищ Сталин:
«Куда брат делся,
Товарищ Каин?»

Тебе под немцем
Быть вертухаем,
Второй Освенцим
Кричит: «Лехаим!»

Развязка близко,
Исход летален,
Идёт зачистка,
Где брат твой, Каин?

Среди развалин
Белеют кости,
К братишке Каин
Приехал в гости.

Гудит набатом:
«Где брат твой, Каин?» –
В рай со штрафбатом
Зачислен парень.

БЛОКАДНАЯ

Быть могло ли по-другому?
Кто б подумать мог когда-то?
Вышли мальчики из дому,
Ушли мальчики в солдаты.

И с девчонками простились,
Пусть по моргам их не ищут,
И зубами в грунт вцепились
За родные пепелища.

Шаг из мальчиков в мужчины,
Дан приказ: «Готовься к бою!»
В облаках шеренгой длинной
Строй с короткою судьбою.

Приползти к тому на паперть,
Кто на небе ставит свечи.
Отмолить бы их, отплакать.
Слёзы выплаканы. Нечем.

Ещё будет, как когда-то,
Если будем ещё целы,
Веселить гроза раскатом,
Плагием артобстрела.

Если будет. Я не знаю.
Загадай, пока не поздно.
За окном уже стреляют
В беспилотники и звёзды.

ЦЫГАНОЧКА ПО-КИЕВСКИ

Закричал петух с тоски
В ночь на полнолуние,
Мысли стиснули виски –
Лучше б слабоумие!

Мчит краина в никуда,
Эх, дорогой дальнею!
Над Днепром горит звезда
Свечкой поминальною.

Сколь холопа ни лечи,
Водкой оно лечится,
Сколь холопа ни учи,
Всё равно калечится.

На идейные харчи
Поменяли ценники –
Занимают стукачи
Очередь в священники.

И вождя благословит
Без стыда и веры
Церковь Пляски-на-Крови
Имени Бандеры.

Кто кого куда – не в счёт,
Дело во взаимности,
Украину любит чёрт
В полной легитимности.

Пахнет серой и смолой,
И не видно края,
Скачет по полю герой,
Кости собирая.

Вслед хохочут упыри:
– Райскому цвесь саду,
Ось вам, хльопци, дьютя фри
По дороге к аду!

Неохота голодать –
Побегут в Россию,
Неохота помирать –
Позовут Мессию.

Снимут втихаря с креста,
Совесть чтоб молчала,
После с чистого листа
Всё начнут сначала.

Эх, раз!
Да ещё раз!
Ещё много, много раз...

ДОНЕЦКАЯ СОЛДАТСКАЯ

Дед мой дом выстраивал,
Я его отстраивал,
Для детей достраивал,
Драил добела.

Да беда залётная,
Мина перелётная,
Знать, была голодная,
В гости к нам пришла.

Что судьбой даровано,
Злой рукой воровано,
Ведь хватало поровну
Хлеба и вина.

Да не долго мёд в уста,
Посох да сума пуста –
Обобрала дочиста
Мачеха война.

Спать ложусь в траншее я
И ношу на шее я
Не для украшения
Крестик: завтра в бой.

Снятся мне, ребятушки,
Руки моей матушки,
Печка да оладушки,
А не «градов» вой.

Каплей камень точится,
Всё когда-то кончится,
В небе расхохочется
Мира благодать.

Заблестит медалями,
Да погостов далями,
Этой вот детали мне
Век бы не видеть.

А когда заглавную
Отпоют заздравную
За Победу славную
Все певцы страны,

Не забудь и не прости,
Сколько, совесть, не проси,
Потому, что совести
Нет у войны.

ПОВЕСТЬ О РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЕ

На майдане, а не где-то,
Ловят счастье в решето,
Там Ромео и Джульетта
Угадали в спортлото.

А Донбасс – тупое гетто,
Быдло, ватники, ничто.
Мчит Ромео на вендетту,
На родео, на АТО.

Дома ждёт его Джульетта,
Коренная на все сто,
Обещаньями согрета,
Сохнет Галя без манто.

На Донбассе разодедом
Живёт ватница в пальто,
Курит с фильтром сигареты,
Водит красное авто.

На селе его отпетом
Не жирует так никто,
Он, к ней в дом нагрыву летом,
Шлёт с приветом из АТО

Её новые штиблеты,
Её модное пальто...
И, простить не в силах это,
Он убьёт её за то.

ЖЕНЩИНА ХОЧЕТ ЛЮБВИ

Женщина хочет любви.
Вы за это её не корите,
Вы на это в ответ говорите:
«Mon ami, mon amour, mon ami».
Как ей сердце глаголом ни жги,
Сколь ни сыпь выражений крылатых,
Правых нет здесь и нет виноватых,
Правда выше и хочет любви...

А мужчине не терпится в бой,
Судьба – спорить мужчине с судьбою,
У мужчины лицо волевое
И характер его волевой.
Он вчера был на передовой,
Он у снайпера был на прицеле,
Им не все уничтожены цели,
Ему снова не терпится в бой...

Ну а женщина хочет любви,
Ей, поверьте, не многого надо:
Ей не видеть бы ПТУРСа и «ГРАДа»
И вот тот пулемёт vis-a-vis.
На груди ты тельняшку не рви,
Не показывай даме медали,
Их тебе не для этого дали,
Видишь, женщина хочет любви...

Но мужчине не терпится в бой,
Он готов к выполнению задания,
Для него выходной – наказание,
В остальном он доволен собой.

Он накатит с дружкой по одной,
У него два рожка к автомату
И на всякий пожарный граната,
И запас трамадола с собой...

Ну а женщина хочет любви,
Снятся ей подвенечные платья,
И ещё не погибшие братья,
Не докличешься, как ни зови.
Что ни век, то планета в крови,
Сталью тучи над Родиной встали,
Стали наши сердца твёрже стали,
Ну, а женщина хочет любви...

А мужчина опять рвётся в бой,
Ему снится погибшая рота,
Ведь своих не бросает пехота,
Ведь один он остался живой.
Он клянётся своей головой,
Что врага он прогонит от дома,
Обивает порог военкома,
Ничего, что одною ногой...

Ну а женщина хочет любви,
Вы за это её не браните,
На руках своих женщин носите,
Бог, любовь её благослови.
Павшим слава, а выжил – живи.
Наши женщины жёнами станут
И рожать нам солдат не устанут...
Женщина хочет любви.

ДОНЕЦКИЙ ПОЕЗД

Вдоль дороги строясь,
Провожает сына
На донецкий поезд
Нэнька Украина.

Степью мчится поезд,
За окном – руины,
В ковыле по пояс
Крест над домовиной.

Ворон ждёт, готовясь
Праздновать кончину,
Да чужая горесть –
Не твоя кручина.

Злой слезой умоясь,
Похоронишь сына,
Похоронишь совесть
Здесь ты, Украина.

В рай уходит поезд,
Во степи руины,
В ковыле по пояс
Крест над домовиной.

На донецкий поезд
Провожает сына,
Потерявши совесть,
Нэнька Украина.

СВОБОДА

Ни времени хода,
Ни в темени света,
Лишь точкой восхода
В ночи сигарета.

Жду морем погоды
Которое лето,
Которые годы,
Ты знаешь про это.

Ответь мне хоть что-то,
Ответь мне, хоть где ты?
И в первый, и в сотый –
Не будет ответа.

И плачет природа
На паперти лета,
И осень в угоду
Поэтам раздета.

Невзгод хороводы,
Разменной монетой
Дописаны оды
И песни допеты.

Стремятся к исходу
И Бог, и планета,
А я – на свободу,
Я умер за это.

НОЧЬ ПОД АРТОБСТРЕЛОМ

Чёрная, как кошка,
Ночь подкралась разом,
Щурится в окошко
Жёлтым своим глазом.

Крест или проклятье?
Кровь стучит бессонно,
У щеки распяты
В виде телефона.

В пачке сигарета,
Вот и впрямь удача!
Выжить до рассвета –
Вот и вся задача.

Смерть ворвётся в полночь,
Набери мой номер,
Позови на помощь,
Знай, что я не помер.

Порваны судьбою
Нити звёздной вязи.
У меня с тобою
Нет обратной связи.

Месяц неба юбку
Твоим знаком вышил.
Поцелую трубку,
Не скажу, как выжил.

На беду чужую
Смерть глядит плафонно,
До утра дежурю
Я у телефона.

Вечности ночь больше.
Будет длинный зуммер –
Подожди подольше,
Убедись, что умер.

БЫВШИМ СОГРАЖДАНАМ

Рождённый холуём – холуём и подохнет,
Не станет белым негр, как ты его ни мыль.
Вот взял и написал, и руки не отсохли,
Кудрявый сценарист кровавый водевиль.

Вы этот водевиль переиграли в драму,
В свободу и любовь поверив, как всегда,
Но если на панель выходят эти дамы,
Какие вы тогда, панове, господа?

Замкнулся иньский круг под гимново мычанье,
Кто верил УПЦ, кто в русского царя –
Экстерном сдали вы экзамен по молчанью,
Кто сразу не прошёл, пройдут сквозь лагерь.

Вам факельно во тьме, и вы гордитесь этим,
И вот теперь у вас рождаются слепцы,
Им нужен поводырь, и если вашим детям
Не в силах вы помочь, какие вы отцы?

Глядит Шевченко вдаль и глазом не моргает,
Одетый от щедрот в москальское пальто,
Живьём или жнивьём судьба вам – кто вас знает,
Что ждёт вас впереди – не ведает никто.

И Родина щедра, как нищенка у храма,
Обчистила её нечистая семья.
Вас Родина простит – на то она и мама,
Нужны ли только ей такие сыновья?

РОМАНС

Ничего не изменилось,
Ничего не приключилось,
Ты на грудь ко мне склонилась,
Я целую, словно пью.

День пустой сменился ночью,
Стала жизнь на день короче,
Небу я шепчу, что очень,
Очень я тебя люблю.

Мы с тобой не знаем сами,
Что же завтра станет с нами.
И волна несет на камни
Мир, подобно кораблю.

И над миром реет смута,
Мы с тревогой смотрим в утро,
Ждём беды, и потому-то
Я сильнее тебя люблю.

Наши жизни, словно строчки,
Далеки еще до точки,
Но беда поодиночке
Нас легко возьмет в петлю.

Обними меня покрепче,
Так нам выжить будет легче,
Эти руки, эти плечи,
Боже мой, как я люблю!

Ничего не изменилось,
Ничего не приключилось,
Просто ты ко мне склонилась,
Я целую, словно пью.

Просто день сменился ночью,
Просто стала жизнь короче.
Жизнь, как строчка, в ней – что очень,
Очень я тебя люблю.

ЧЕТВЁРТЫЙ ВСАДНИК

Ни отпито, ни отпето,
За блокпост прорвалось лето
На юга.

К Рождеству пустые ясли,
И что будет, нам не ясно
Ни фига.

Веселится где-то лето
И смеётся счастье где-то,
Да не здесь.

И не то чтоб денег нету –
Я вернул судьбе билеты –
Совість есть.

Над растяжек паутиной
В небе стаяй журавлиной
Чей-то вздох.

Если есть ты, то послушай,
Как к тебе взывают души
Наши, Бог.

Море жизни не безбрежно,
То ли праведно, то ль грешно,
Жил не так.

Когда сунут в спину нож мне,
Дам Харону на таможне
Не разменянный пятак.

Позолоченную осень
Мародёр в мешке уносит
В никуда.

Жёлтый лист дрожит в оконце,
Под прицел заходит солнце
Навсегда.

Грянет выстрел в синей выси...
Я искал тебя полжизни,
Да не там.

Ты бежишь ко мне босою,
Бледный всадник за тобою
По пятам.

АНЯ

(Анне Ревякиной)

Она от войны закрывалась руками,
война по щекам проливалась стихами.
И девочка Аня с шальными глазами
строкою бессмертной в журнале для дам

напишет про то, как уходят герои,
о том, как любовь возникает горою
Голгофой, где вечности ждать будут трое,
и тот, кто диктует, расплачется сам.

И тонут в глазах корабли, и поверьте,
вы в хронике До – книге жизни и смерти,
в красивой обложке, в небесном конверте,
как дар, что не даром был Анечке дан.

Пускает слюну некто штатский и плотский,
читает стихи о войне этой скотской
на кухне полночной ей рыжий, как Бродский,
под аэропортом погибший пацан.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Ждём чего, скажи на милость?
Видишь – водка истомилась?
Наливай!

Что промчалось, что приснилось,
Всё, что не было, что сбылось,
Вспоминай.

Злым узором
То с позором,
То в разбег

Мерин хворый,
Век который
Хворый век.

И, что правды нет в помине,
Что попался на мякине,
Не жалей.

Не кляни судьбину нашу,
Сладко-горестную чашу,
А испей.

Не с пробором,
А с прибором
Имя рек.

Гостем скорым,
Миру мором –
Новый век.

Ты не бойся жизни бойни,
Своей смерти, а чужой не
Возжелай.

Хороша жизнь иль убога,
Получил кредит у Бога –
В срок отдай.

Волчьим хором,
Беглым вором
Беглый век.

Прокурором –
Чёрный ворон,
Белый снег.

Что промчалось, что приснилось,
Всё, что не было, что сбылось,
Поминай.

Ждать чего, скажи на милость?
Видишь – водка истомилась?
Наливай!

АПОСТОЛ

«Держись, держись, прорвёмся, братик,
Ещё зубами будем рвать их,
Ведь на войне, не на кровати,
Навылет, а не наповал.

Жизнь тяжела, а смерть крылата,
Плевать ей, кто укроп, кто вата,
Кому Россия виновата,
А кто Донбассу задолжал.

Ждут нас небесные альковы,
Да снайперы, видать, хреновы,
И песни пуль для нас не новы,
И мы со смертью не на вы.

Ты покури, а я прикрою,
Смотри: за первую звездою
Гуманитарные конвои
Везут усталые волхвы.

И Ирод цел и жив покуда,
Гешефт свой делает Иуда,
И мы тобой не верим в чудо,
И на войне как на войне...»

Разорван в клочья мира атом,
Нещадно кроя небо матом,
Апостол в должности медбрата
Мессию тащит на спине.

ДАТА ЛЮБВИ

С пьедестала пропала скульптура,
Век двадцатый отправлен на лом,
Чья ж там в прошлом маячит фигура?
Это я жду тебя за углом.

На стене написали два слова.
И нелепа людская молва:
Ну и что же, что Таня + Вова?
Без любви это просто слова.

Ты мне пишешь по белому чёрным:
«Yes, I love you. Записку порви».
Я рисую под словом заборным
Свое сердце, мишень для любви.

А с любовью приходит измена.
Ты с Петрухой в столовку пошла.
И подходит к концу перемена,
Словно жизнь, что к концу подошла.

Где вы, где вы, счастливые годы,
Святость драки до первой крови?
Скурен первый чинарик свободы,
Выпит первый глоточек любви.

Когда я чинарём пожелтелым
Докурюсь до конца – не реви,
Обозначь лишь на досточке мелом
Год рожденья и дату любви.

ДУША

Всю ночь, от боли чуть дыша,
Душа скулила виновато,
Под утро боль ушла куда-то,
А вместе с нею и душа.

Себя истратив до гроша,
В постели холодело тело,
Быть может, время подоспело,
А может, вызрела душа.

Такой момент! Ну хоть бы кто
Из детской сказки появился,
Над изголовьем склонился –
Хоть Ангел, хоть Пегас в пальто.

Вот, круг прощальный соверша,
Под люстрой бабочкой порхала,
На свет рванула и пропала
Моя пропащая душа.

Кто был ничем, тот станет всем,
А я избалован был небом,
Не обделён судьбой и хлебом,
Кем только не был – стал никем.

Отныне больше не греша,
Уж не лгала и не блудила,
И не кляла, и не любила
Моя заблудшая душа.

И в надвигавшемся Ничто
Никто не встретил, не поздравил –
Ни Бог, ни черт, ни Пётр, ни Павел,
Ни некто, вообще никто.

«Готова ль к Вечности душа?» –
Слова, звучащие как трубы.
И прошептали мои губы
Довольно внятно: «Ни шиша!»

И врач сказал: «Коллеги, ша!» –
И зарядил разрядом тело,
И в путь обратный полетела
Моя ожившая душа...

Боль возвращалась не спеша,
А может, смерть не торопилась,
А может, за меня молилась
Одна родная мне душа.

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Если б не было войны,
Смерти ангелов на крыше,
Как вкушали б с нами вы же
Хлеб с вином и без вины!

Если б не было войны,
Были б славными ребята,
На Укрáине солдаты,
И не пасынки – сыны.

Если б не было войны,
Леси, Стусы и Тарасы
Не просили бы у кассы,
Им бы не было цены.

Если б не было войны,
Вряд ли не было бы мира,
И иного бы кумира
Сотворили пацаны.

Если б не было войны,
В рай не убегали б дети,
Наши дети на рассвете
Мирные смотрели б сны.

Если б не было войны,
Кто-то в подлецы б не вышел,
Кто – в герои, и что выжил,
Моей не было б вины.

ДРУГОЙ НЕ НАДО

Я в гости к Богу,
Как в сети рыба.
За путь-дорогу
Скажу спасибо.

Ты мне одна лишь
Была наградой,
Светить устанешь –
Другой не надо.

Поставив точку
Крыла изгибом,
Тень станет ночью
За день спасибо.

Ломать не строить,
Менять что-либо –
Меня не стоит,
Тебе спасибо.

Команда «вольно» –
И всё не важно,
Когда не больно,
Когда не страшно.

Прощальным взглядом
Раздет до нимба.
Другой не надо,
За жизнь спасибо.

ЛИСТОПАД 15-го ГОДА

Выспренна
Осень на лист легла,
Птичьёю стаёю ввысь позвала,
Вызрела.

И отзывается стих струнам в лад,
Пальцы касаются их наугад,
И опускается, тих и крылат,
Листопад.

Вот заря
Будто бы с алтаря,
Ты не читаешь стихи сентября
Зря.

В строф алгоритме рифмы парад,
В ритме неслышном листья парят,
И говорит мне, что жизнь напрокат,
Листопад.

Ночь пьяна,
Прочь, вина,
Выпьём до дна, ибо что за луна
Без вина?

Осени чист жёлто-алый наряд,
Как аметист в золочёный оклад,
В просини лист пятипалый распят.
Листопад.

Боль, глоток,
Утоли,
Песней, сверчок, перемирия срок
Не сорви.

И догорает судьбою закат,
И беспилотный предвестник расплат,
В небе кружит от утра до утрат
Листопад.

ВЕСНА 16-го ГОДА

Меж деревьями бродит весна,
И листва шелестит, как одежда,
И в квартире лишь я и надежда,
И бессонная ночь так нежна.

В эту ночь и на эту луну
Соловьи за окном расстарались.
Как вы вовремя, Надя, остались –
Мне сегодня невмочь одному.

И на чистом листе потолка
Акварелью дымок сигареты,
Мне надежда рисует сюжеты,
И на струны ложится строка.

И картина прозрачно ясна,
И надежда рисует прекрасно,
Только Наденьке верить опасно,
Так как склонна к обману она.

Мне всё видится старый наш дом,
Я по памяти лица рисую,
И в весну окунаюсь иную,
Где мы счастливы были вдвоём.

И луна серебрит водоём,
И в сюжете нет места разлуке,
И мы, взявшись, как дети, за руки,
Вдоль воды, как по небу, идём.

Свет надежды – в ночи огонёк,
Звук шагов наших тих и неслышен.
Ах, надежда, как слог ваш возвышен,
Как от жизни прекрасно далёк!

И я жду, как раскат грозовой,
Твой звонок через годы и тракты.
И ты скажешь мне: "Здравствуй, ну как ты?"
И, воскреснув, отвечу: "Живой".

МОЛИТВА

Крест племени осиного,
Меня не осени!
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!

От страсти лечь под сильного,
От власти шестерни,
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!

От синевы бессилия,
От желтизны брехни,
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!

Пока душа не сгнула,
Пока не стынет плоть,
От счастья жёлто-синего
Храни меня, Господь!

НОЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

То ль носить, то ль не сносить
Буйной мне головушки,
Хочет смертушка испить
Молодецкой кровушки.
В чистом поле васильки,
Помирать нам не с руки,
Ты поверь, браток, в молитву,
Как в гранату без чеки.

Что стучаться Богу в пол,
Коль призвал к ответу?
Предрассветный час прошёл,
А рассвета нету.
В чистом поле, земляки,
Отступать нам не с руки,
Да и некуда, пожалуй,
У кровавой, у реки.

То враньё, то вороньё,
То кресты-награды,
То ли царствие Твоё,
То ли с неба «ГРАДЫ».
В чистом поле огоньки –
Кто кого берёт в тиски?
Чью, скажите, сигарету
Снайпер гасит от тоски?

Эх, раз,
Да ещё раз,
Да ещё много, много раз!..

НЕ ДО ССОР

Снова небо бездонно до сини
Нас считает с тобой по осени.
Эту осень и эту синь ценить
Научиться пора бы нам.

Нас судьба разбросала по миру,
Как листву разбросало по ветру.
От Ванкувера до Ганновера
Как живётся, ребята, вам?

Не тяни меня в спор, я вышел,
Мне уже ни до ссор, ни выше,
Не учи меня жить, я выжил,
Как я выжил, не знаю сам.

Нас война разбросала по миру,
И по совести, и по колеру,
От Тернополя до Житомира,
Сладко ль спится вам, люди, там?

Что ты крикнешь охрипшей глоткой,
Сколько выпьешь палёной водки,
Когда лупят прямой наводкой
По тебе и по площадям?

Как бы нас ни швыряло по миру,
Ни по совести, ни по колеру,
Ни по крузеру, ни по роверу
Не утащишь с собой к чертям.

Когда небо, бездонно до сини,
Сосчитает нас всех по осени,
Эту осень и эту синь цени,
Если будешь ещё живой.

Нас судьба разбросала по миру,
И по совести, и по колеру.
Привыкая к чужому номеру,
В твоём доме живёт другой.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Опыляет дуб рябину,
Ветка к ветке клонится,
Любит Путин Украину,
Хочет познакомиться.

Гай, буряк, будяк, шипшина
Дуже озабочены –
Голосует Украина
На краю обочины.

Край. У края Украина,
Двух миров окраина,
Захід, Гітлер, Полонина,
Схід, портреты Сталина.

Схід та Захід, вашу мать!
Посредине русло.
Взять бы Днепр и закопать,
Чтоб вам было пусто!

Депутаты не уймутся,
Нет на них Валуева.
Ну и пусть себе дерутся
Депутаты... ну его.

Каждый смыться норовит,
Жизни нет резона,
В остальном шикарный вид –
Буферная зона.

Украина, ё-моё!
Сердцу нет дороже,
В прошлом прошлое её,
Будущее тоже.

Когда кончится байда́,
Только хрен и знает,
Я спросил его: «Когда?» —
Он не отвечает.

Мать русских городов
Антирусским порохом
Начинил и был таков
Гетьман сучьим потрохом.

Были целы, были сыты,
Да ни с чем остались.
Любо, братцы свидомиты,
Славно постарались!

НОЯБРЬСКИЙ ВАЛЬС

Из застуженных губ
В медь простуженных труб
То ли вальс, то ли марш
На холодном ветру.

То ли смех, то ли плач,
И на чёрном кумач,
И не слышит себя
Полупьяный трубач.

Мы идем, как стена,
За спиною спина,
Через праздник колонной
Проходит страна.

На колючем ветру
Лес натруженных рук
И казённые фразы
Из царственных губ.

Мы идём не спеша,
Перегаром дыша,
И на стылом ветру
Веселится душа.

Веселится душа –
Наша жизнь хороша
И не стоит она
Ни гроша, ни шиша.

Нам война не урон,
Нами кормят ворон,
Мы устроили праздники
Из похорон.

Платим дань палачам,
Руки жмём стукачам
И заздравные песни
Поём сволочам.

Нам судьбою дана
Явь кошмарного сна,
Где под дудку шагает
Слепая страна.

Сталь великих имен,
Даль безликих колонн,
На промозглом ветру
Вещий шелест знамён.

Время правых идей,
Век кровавых дождей,
И не видно конца
Клоунаде вождей,

И бегут поезда
В никуда навсегда,
И над лесоповалом
Сияет звезда.

И на призрачный свет
Через тысячу лет
Мы устали идти,
Мы не верим в рассвет.

Наши судьбы сплелись
В беспросветную жизнь,
Мы с тобой не под тою
Звездой родились.

Ты глаза свои скрой
И не тронет конвой,
Здесь прозренья грозит
Обернуться бедой.

На колючем ветру
Лес натруженных рук
И проклятье летит
С окровавленных губ.

АНТИНОБЕЛЬ

Кому убога, кому простая,
Она от Бога до дна святая.
В тоске бессильной кому-то Раша,
Кому – Россия, и нету краше.

Она небесна, она крылата,
Она воскресла, собой распята.
Необъяснима, непобедима,
Её Всевышний хранит незримо.

Над нею блики беды великой,
Где в драке дикой ужом безликим
Ни отвертеться, ни откупиться,
Ни отсидеться, ни отшутиться.

Бежать от ада – не встретить рая,
Под нею яма есть долговая,
Куда паршивых гребут лопатой
Один плешивый, другой усатый.

Там полицаи, там Маркс и Энгельс,
Там вертухаев ждёт доктор Геббельс.
На постаменте, в цемент воздвигнут,
Привет клиентам шлёт доктор Зигмунд.

Кому Россия второго сорта,
Кому Мессия навроде чёрта,
И в небе синем крылами машет
Христу – Россия, иудам – Раша.

НОЧЬ В КАНУН ВОСКРЕСЕНИЯ

Не архангелы и не мессии,
И уж точно не Божия мать,
Кто нас дёрнул родиться в России,
Кто на Бога велел уповать?

Задушевная песня острога,
Да под водочку сельдь и васи,
И стигматы опального Бога
На ладонях распятой Руси.

В крепкий узел судьба наша свита,
В царство то ли рабов, то ль господ,
И земля густо кровью полита –
Это наш генетический код.

Кто пророка не ждёт у порога,
Кто твердит: "Сохрани и спаси",
Кто с идеей распятия Бога,
Кто, как крестик нательный Руси.

Куст горящ разговорчив не шибко,
Сам себе, если сможешь, ответь,
Чья война, чья вина, чья ошибка,
Кому выжить, кому умереть?

Птица-тройка, лихая дорога,
Куда мчится – попробуй, спроси!
Ночь глуха, голос сорванный Бога
Кличет души свои на Руси.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

(защитникам Донбасса)

Прощай-прости, прости-прощай,
И дом родной, и отчий край!
Из жизни прежней навсегда
На фронт уходят поезда.

Прощай-прости, прости-прощай,
Чему не быть, не обещай,
О том, что было, не грусти,
Прости-прощай, прощай-прости.

Походный марш трубят трубач.
Не плачь, любимая, не плачь.
Пусть обойдёт тебя беда,
Ты только жди меня всегда.

Прощай-прости, прости-прощай,
Примет плохих не примечай
И свет в окошке не гаси,
Прости-прощай, прощай-прости.

В каком бою, в каком краю
Сложу я голову свою,
Где ждут нас крест или звезда
И шаг последний в никуда?

Прощай-прости, прости-прощай,
Смерть как положено встречай,
Не верь, не бойся, не проси,
Прости-прощай, прощай-прости!

Судьба присягой нам дана,
Судьба теперь у нас одна:
Мы офицеры, господа,
Мы обрусели навсегда.

АВГУСТ БЕЗ АРТОБСТЕЛОВ

Мимо двух влюблённых тел
Звёзд полоскою
Ангел по небу летел
С папироскою.

Был во сне иль наяву
Поцелуй в уста,
Сбиты, падали в траву
Звёзды августа.

А наутро журавли
В неба просини
Плыли, словно корабли,
Дело к осени.

Как судьбе ни прекословь,
Всё начав с листа,
Запоздалая любовь –
Птица августа.

И под вечности мотив,
Под смычок сверчка
Тот, кто любит, тот и жив,
Живы мы пока.

Чтоб, когда укроет нас
Пустота густа,
Пахли яблоками в Спас
Звёзды августа.

ПОЭТ

(Юнне Мориц)

Не приключилась бы беда
На стыке времени земного.
Уходит век, ну что ж такого?
Уйдут поэты, что тогда?

Поэта слово не пустяк,
Не важно, сладко или горько,
Поэт писать обязан, только
Не столько сколько, сколько как.

Не спи, поэт, гори, звезда,
Как соучастник тайны чуда,
Слова приходят ниоткуда,
В стихи слагаясь навсегда.

Чтоб жизнь не стоила пятак,
Тебе начертано незримо –
Писать, как жить, необходимо
Не важно сколько, важно как.

Молва людская, как беда,
Найдёт тебя всегда и всюду,
Поэт приходит не отсюда,
Поэт не требует суда.

И только осень – верный знак,
Что время подводить итоги,
И Тот, кто ждёт в конце дороги,
Не спросит, сколько. Спросит: как?

ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК

За окном «бахи»,
Семчука Volvo
Закричал в страхе,
Аж ушам больно.

Ты нажми, Мальцев,
На его кнопку,
Пока я пальцем
Продавлю пробку.

Тут как тут Генка,
Ну куда деться?
Рифмой об стенку,
Блюзом по сердцу.

Крещены «ГРАДом»,
Выпьем, хоть тресни,
С корешком Владом
Допоём песню.

На броне танка
Напишу «Бродский»,
Не грусти, Анка,
По Земле плоской.

ПРЕДАННЫЕ

Когда ударит жизнь под дых,
То звать не стоит понятых
Немой гортанью.

Слов ни хороших, ни плохих,
И точка вместо запятых
По умолчанью.

Часы небесные, на них,
Не опоздавших ни на миг,
Пора прощанью.

И шансов нету никаких,
Железно, и локомотив
По расписанью.

Билет туда, где нет седых,
В вагон для вечно молодых,
Небесной рванью.

Не огорчив врагов своих,
Не прихватив долгов чужих
По завещанью.

На вдохе оборвался стих,
Вступает хор глухонемых,
И ты за гранью.

Век надорвавшийся затих
Ни по вине таких-сяких,
Ни по желанью.

До дыр истёрта Книга книг,
И жизнь твоя от сих до сих
Над Иорданью.

Не жди от Бога чаевых,
Пророки есть в краях иных –
Всё по Писанью.

Когда бьёт Родина под дых,
Искать не надо понятых,
Конец отчаянью.

И ты не числишься в живых,
Отныне праздник всех святых
По умолчанью.

ПАМЯТИ ВСЕХ

Русь прекрасная,
Русь крещёная,
Зона красная,
Зона чёрная.

Ты яви, Господь,
Мудрость ясную,
Ты прости, Господь,
Душу красную.

Душу красную,
Жизнь напрасную,
Душу праздную,
Совесь грязную.

Приюти её,
Безобразную,
Накорми её
Икрой красною.

И кум чалится —
Куда денется,
То отчаётся.
То надеется.

Ты прости, Господь,
Дуру вздорную,
Ты прими, Господь,
Душу чёрную.

Душу чёрную,
Закопчённую,
На чистилище
Обречённую.

Ты уйми её
Суть позорную,
Накорми её
Икрой чёрною.

Райский сад, вышак,
Зона строгая,
У ворот душа
Босоногая.

Ты яви, Господь,
Мудрость зрелую,
Отпусти, Господь,
Душу белую.

Душу белую,
Забубённую,
Неумелую,
Безымённую,

Птицу смелую,
Птицу гордую,
Дай ей белую
Корку твёрдую.

ДРУЗЬЯМ

Как мало нам отпущено,
Девчонки, пацаны.
Давно ль на тряпки пущены
Потёртые штаны?

Покуда под берёзами
Не начался расчёт,
То мы и не тверёзые,
А пьяные ещё.

Лакеев и фанатиков
Воспитывал в нас Хам,
Лупила жизнь романтиков
Линейкой по рукам.

Но свята первая любовь,
И нас Господь хранил,
Портвейном очищая кровь
От фальши и чернил.

Затылочки подбритые,
Из грязи, да в князья –
Шестёрки, нами битые,
У нэньки в кумовьях.

С какими истуканами
Живём мы тет-а-тет,
Но водку пьём стаканами
И есть иммунитет!

Пусть времечко упрямое
Всё мчится в небытьё,
Кормило то же самое,
Меняется жлобьё.

Нетрезвые, но чистые
От жизни дележа,
Мы пьём вино «Лучистое»
Вблизи от гаража.

Урок к концу подходит,
Недолго до звонка,
Уже по списку водит
Всевышнего рука,

Но мы не дрогнем лицами
На этом рубеже
С такими же девицами,
Готовыми уже!

ВАТНИЧЕК

Влеком судьбой, сугробы чередуя,
Стремлюсь, как лось к заветному ручью,
В сельпо, но не доху я на меху я,
А телогреечку на кассе получу.

Ах, ватник-ватничек, российский ватничек,
Душа поёт и радуется глаз.
Холодноват ночлег – накиньте ватничек,
И потеплеете глобально в тот же час.

В базарный день рублю цена копейка,
Щедра суровостью Россия-мать,
Бананов нет, зато есть телогрейка –
Жизнь, значит, можно перезимовать.

Ах, ватник-ватничек, российский ватничек,
Меня спасал и выручал не раз.
Одетый в ватничек, мой дед двадцатый век
Отвоевал и восстанавливал Донбасс.

Народа вывел стойкую породу
Бог, испытал её мечом и кумачом,
Я низко в пояс кланяюсь народу,
Что телогрейки душегубкам предпочёл.

Ах, ватник, ватничек, российский ватничек,
Надежд одеждой согревает нас.
Порвётся ватничек – вот вам с печатью чек,
Одежд Надежда принимает спецзаказ.

ТЕЛЬНЯШЕЧКА

Помилуй и спаси,
Когда скребём горстьми,
Когда хрустим костьми,
К Тебе идя.

Господь, не приведи
Сойти на полпути,
Помилуй, Господи,
Как мы Тебя.

Душа-тельняшечка,
Со спиртом флажечка,
С мечтой в пятнашечки
Играю я.

Судьба-бродяжечка,
Не плачь, бедняжечка,
Оставь затяжечку,
Душа моя.
Когда беда в груди,
Глаза не отведи,
Осилить дай круги,
Душой кровя.

Друзья или враги,
Мы все Твои, поди,
Прости нас, Господи,
Как мы Тебя.

Душа-тельняшечка,
Не плачь, бедняшечка,
С судьбой в пятнашечки
Играю я.

Согнута бляшечка,
Отпита фляжечка,
Оставь затяжечку,
Судьба моя.

Успею ль до седин,
Останусь ли один,
Злых да лихих годин
Срок отрубя,

Господь, не подведи,
Ты на погост приди,
Встреть меня, Господи,
Как я Тебя.

Душа-тельняшечка,
Карман бедняшечка,
С собой в пятнашечки
Играю я.

Морская бляшечка,
Пустая фляжечка,
Одна затяжечка —
Вся жизнь моя.

СТИХИ О ДОНЕЦКОМ ПАСПОРТЕ

С каким
наслаждением
либеромясным
Я был бы
майданом
распят
За то,
что в руках у меня
орласто-красный
Гордый
Донецкий
паспорт.
Я волком бы
выгрыз
нацизм и фашизм.
Подонкам
прощения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
Бандеровский паспорт.
Но этот...
Я достаю
из широких штанин
На глазах
охреневшей публики.
Читайте,
завидуйте,
я – гражданин
Донецкой
Народной
Республики!

УЙ

(переключка с Маяковским)

Знали мы
украинскую ночь?
Нет,
мы не знали украинской ночи,
чьё нёбо
от злобы
чёрно,
Чей герб
троглодитами
выточен.
Чьей кровью
Запорожская
гуляла Сечь.
Проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставили
на турбины течь.
И Днипро
по проволокам сам
электричеством течёт
у погромщиков по усам.
Сала и рафинада
Никому не надо?
Мы не знаем,
курит ли,
нюхает ли Юля,
мы знаем
Кучмы отрощенные седины,

мы знаем,
 как Ющенко
 профиль краплён...
А что ещё мы знаем
 о лице Украины?
Знаний груз
 укрофила
 тощ,
и вождям
 почёта мало.
Знают «мани»,
 «гроши», «баблос»,
А Европа – «яйко»,
 «млэко», «сало».
С культуры,
 если сдуть пенку,
Из нацизма химеры,
 если выпустить дух нам,
кроме
 одного
 Бандеры,
или двух там,
 ничего не выжмешь,
 сколько ни старайся.
А если прижмут –
 зардеются розой
и выдвинут
 аргумент новый:
возьмут и расскажут
 пару курьезов –
о жидях и москалях
 галицкой мовой.
Не скачешь – москаль!

Надень эсэсовку,
зубы не скаль,
лузгай подсолнух
в прапорах
красно-чёрных.
Пещерная мова
без мыла проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав...»
Что может быть гаже:
«На брата полюй»?!
Я немало слов придумал сам,
взвешивая их,
хочу сказать одно лишь, —
чтобы стало всех слов
моё полновеснее, —
слово «уй».
Не трудно толпу
истолочь в сволочь.
Собой, гитлерюгенд,
кичись не очень.
Знаешь ли ты донецкую ночь?
Уй! Ты не знаешь еще
донецкой ночи.

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ

(дівчата співають, хлопці танцюють)

Йому хочеться в Європу –
Їй не хочеться.
І стоїть він, п'яний в опу,
Джюрить¹, мочиться.

Ніч, майдан, ліхтар, сільрада²,
Хльопець мочиться.
Шугонути б його, гада,
Та не хочеться.

І душа його так рада,
Що він мочиться,
Повертатися до стада
Й`му не хочеться,

А в Європу ранувато,
Бо для збоченця
Там потрібно адвоката,
Тут хай мочиться!

¹ Мочится, но непосредственное (укр.).

² Ночь, улица, фонарь, аптека (укр.).

ЯК КОЗАКИ КРИМ ПРОДБАЛИ

*(даже при незнании украинского
читать без автопереводчика)*

Над багнюкою з сивиною
вітер мряку випасає.
А між мрякою і морем
гопакує гайдамака,
рухом з броунівським схожий.

То помочиться у море,
то чобіттям в хвилю влупить,
то волає – хмари чують
гучномовець гвинтокрилий.

В дзьобі хльопця – жага бурі,
первач гніву, часник страсті,
і лайно, що до Росії
чують хмари з його дзьоба.

Чайки стогнуть та сумують,
байдикують понад морем
і на дно його готові
заховати жах та тугу
перед бурею, падлюки.

І гагари, хай їм, скиглять –
їм, гагарам, невідома
насолада бою, бачьте,
грім ударів їх лякає!

Дурень пінгвін вже ховає
сало мляво своє в кучках.
Лише п'яний гайдамака
відпрацьовує п'ять гривень³
над, як пиво, пінним морем.

Все смурніше, нижче хмари
опускаються, лякають
і ревуть, жбурляють хвилі
в височинь назустріч грому.

Грім гуркоче.
В бульбах гніву
стогнуть хвилі,
сперечаючись із вітром.

Ось хапає вітер зграї
хвиль в обійми свої міцно
і кидає їх з розмаху
в дикій люті на цеглини,
розбиваючи на потрох
і бризки води громади.

Гайдамака файний хльопець –
у барвистій вишиванці,
він кричить: «Героям слава!»,
в море галькою кидає.

³ 5 грн. — первоначальный взнос жителей Украины на самоуничтожение

Від запою він, як демон, —
хочеться в село, до хати —
і регоче, і волає...
Для хоробрості регоче,
від хоробрості волає!

В гніві грому чуйним слухом
дух козацький дупу чує.
Брешуть з Києва, що ні,
не сховають хмари сонця,
або — ні, не приховають.

Вітер виє, грім гуркоче,
Синім полум'ям палають
зграї хмар, безодня моря.
Море спалахи ці ловить
і в безодні своїй мочить.

Як ті кляті комуняки,
в'ються в морі та зникають
відображення яскраві.
Отакої. А ще буря!

П'є горілку гайдамака,
хреститься від блискавичок,
і реве та стогне море.
Гайдамака репетує:
«Це піздець, шановне панство!»

ЖЕРТВА МАЙДАНА

У тебя глаза пусты,
Мысли девственно просты,
И во рту всё время слюни –
Пищи требуют глисты.

Муха в рот к тебе влетела,
Ты в лицо мне не дыши
Из немытой части тела
Испарением души.

У тебя душа жидка,
И извилина гладка,
И в паху зудит по Крыму
Безответная тоска.

У-КАИНА

Пришла пора, едрёна мать,
Дом отчий за долги отдать.
Жилось чтоб лучше, веселей,
Оставь надежду и налей.

Страна У-Каина, родной,
Старайся к ней не стать спиной –
Там, где полным полно блядей,
Не жди сюрприза от людей.

А если вдруг и впрямь Потоп,
Не суетись, спастись чтоб,
Не жди пощады от властей –
Тебя нет в списке для гостей.

Так любит нэнька, верь – не верь,
Как «стингер», потерявший цель,
А ты, как заяц средь полей.
Цель – ты. Для ясности налей.

Не забывай своих корней,
Коль не гуцульских ты кровей,
Русскоязычен, русопят,
Иль по рожденью виноват.

Не голоси, а голосуй,
Свой голос в щель точнее суй
И жди подарка от вождей
Страны несбыточных идей.

ДОМИНАНТА

Со мною вышел случай глупый:
На улице средь бела дня
Один мужик, накрасив губы,
Хотел чего-то от меня.

Он жил в селе, беды не зная,
Пел в хоре басом, как мужик,
«Реве та стогне», развивая
Родной украинский язык.

Гастроли. Юноша связался
С людьми орального труда.
Упруго рейтинг приподнялся,
Он депутатом стал тогда.

Но верен до сих пор присяге,
Что дал, попавши в клуб ночной,
Недаром в украинском флаге
Цвет доминанты голубой.

ВИТАЛИК

В детстве мог я ни разу отжаться,
В бокс пришёл босиком по росе.
А теперь могу на спор сто двадцать,
Это могут не только лишь все.

Я умею завязывать галстук,
С головою вопрос потрудней.
Червячок в голове завязался
Дождевой, ну а может быть, змей.

Постоянно меня он тревожит,
Что-то шепчет, щекочет мне нос,
А бывает, такое отмочит,
Повторю – все хохочут до слёз.

Порешивши покончить с бандитом,
Я к хирургу пошёл на приём.
«Извлекай, – говорю, – паразита,
Что в мозгу обитает моём».

Врач меня положил на кушетку
И рентгеном башку засветил.
Удивился: «Мозгов вроде нету.
Ты бы, брат, к психиатру сходил».

Психиатр начал дело по-новой,
Тьмой вопросов меня завалил
И спросил на латыни, дословно:
«Где нератор, – спросил и – где бил?»

Правда, тут же меня успокоил,
Сняв очки и сощуривши глаз:
«Не червяк то тебя беспокоил,
Это мысль у тебя завелась».

О БАБАХ И БАРДАХ

(парафраз на ст. А. Мирзахи)

Привязали к бабе бомбу,
Дали ей барбитуратов
И билет купили в город
подрываться за «свободу».

Там найдёт она кафешку,
Где сидят, к примеру, барды,
Напевая Окуджаву,
Забавляясь ностальгией...

Забежит, хлебнёт какаву,
Помолясь, надавит кнопку
И взорвётся дура баба
За победу Украины,

Прихватив с собой к Аллаху
До фига хороших бардов,
Что вообще ни сном ни духом,
С кем воюет Украина.

Где-то далеко, в Нью-Йорке,
В либерально-жёлтой прессе,
Настрочит другая баба
Про бесстрашных патриотов,

Что ценою своей жизни
Подрывают террористов,
Проживающих в Донбассе.
Хутин пуй, героям слава.

Написав такое, баба,
Несмотря на то, что дура,
Не обяжется тротилом,
Не пойдёт взрывать посольство,

А пойдёт она в кафешку
Посидеть с заезжим бардом,
Потому, что, сцуко, тоже
Уважает Окуджаву.

Где мораль? Её здесь много:
Песне авторской дорогу,
Пусть идёт во все культуры!
И ещё: мужчины – дуры.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ

Я на коечке лежу
И на Путина гляжу,
И окошечко в решётке,
Но на это я ложу.

Между небом и землёй,
Между полом и петлёй
На суку цветущей жизни
Я повис ужасной тлём.

Мого тела механизм
Разрушает пессимизм:
Путин плоть лишает жизни,
Ослабляет организм.

Мне здесь колют, что и всем,
Персонал сдурел совсем,
А я плачу, жопку прячу
И таблеточки не ем.

Мне сказал тогда главврач:
«Ты лечишься, а не плачь.
Жизнь, она неоднозначна,
Многогранная, как мяч.

Ты глаза закрой, ага,
И в себе найдёшь врага».
Я пошёл, глаза зажмурил:
Путины. И до фига.

Зенки жмюрю дотемна,
Открываю – вот те на:
Надо мной рублём железным
В небе полная Луна.

Там три профиля видны,
Путин с крайней стороны,
Не отдашь тут Богу душу
Под влиянием Луны!

Глянул вбок – Вован Кашей
Жрёт мою тарелку щей.
Не могу без суицида
Я от этих вот вещей!

Гвоздь, верёвка – все дела,
Да сноровка подвела,
Санитары отбуцали,
Обобрали догола.

В простыне я, как в плаще,
И вопрос тут не в борще –
Нет без Путина здесь жизни,
Если это жизнь ваче.

Дорогие доктора,
Гвоздь забрали на хера?
Ладно, завтра прыгну с крыши,
Всё, ни пуха, ни пера!

ПИСЬМО БЫВШЕМУ ДРУГУ

Бывший друг, красноречиво утверждавший, что не всё так однозначно, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших женщин – они ведь вата, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших стариков – они ведь колорады, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших детей – ведь это не твои дети. И когда в твой дом придёт беда, а она обязательно придёт, постарайся встретить её с достоинством, как встретили её мы, и не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе.

ЯДРНОЙ ИЛИ ЯДЕРНОЙ

В кнессет прошла Аль-Кайда.

Настоящими евреями объявлены арабы.

Массовая акция протеста в центре Иерусалима в ответ на приостановку подписания соглашения об ассоциации между Израилем и ИГ.

На площади Сион арабы жгут покрышки. Название «Евромайдан» решили не менять.

Президент Израиля бежит в США. Правительство уходит в отставку.

Факельное шествие по улице Яффо: «Бей жидов, спасай Израиль!», «Кто не скачет, тот умрет!», «Эйхман придет – порядок наведет!»

«Переведи меня через майдан» исполняется на арабском языке. Юнна Мориц объявляется дурой.

Первый закон новой власти об отмене иврита. Ивритоязычное население признано людьми второго сорта.

«Где мои вещи?» – говорит ивритоязычное население и предлагает цивилизованный развод.

Ивритоязычные объявлены инакомыслящими. Инакомыслящие объявлены сепаратистами.

Израиль объявлен террористическим государством.

Акция Коломойского «30 долларов за голову еврея». Иерусалимская Хатынь. Радиостанция «Эхо мацы» радостно смакует новую шутку: «шашлыки из могоендовидов».

Армия стреляет в народ. «За что?!» – недоумевает народ.

Широкомасштабное уничтожение гражданского населения получает название ЗАТО.

Арабы убивают евреев, предлагая им жить с ними одной страной, и удивляются, почему евреи воспринимают каждый выстрел по ним одновременно как неприятное напоминание о соседях и приглашение с ними расстаться.

Концерт Макаревича в Освенциме.

Шендерович: «Холокоста могло не быть, если бы все недели повязки».

Население освобожденных от еврейских террористов городов хлебом-солью встречает победителей. Опять Макаревич, танцы, праздничные расстрелы.

Особо экзальтированные со словами: «Мне стыдно, что я еврей!» требуют сделать пришивание.

Зеленский называет еврейское ополчение мразями, мочится на могилу Голды Меир, после звонка из Моссада приносит извинения.

Костры из запрещенных книг: от Ветхого Завета до классиков современной литературы.

Некоторые не горят.

Распятие Христа признано внутренним делом еврейского народа.

Массовый снос исторических памятников в Иерусалиме.

Свидетели Калифорнийских Десантников отжимают синагоги.

Обама, введи войска!

Марш мира в Нью-Йорке под лозунгами: «Не противься злу насилием!», «Мы убьем тебя не больно!», «Слава Холокосту!».

Государственным гимном становится песня «Здохни». Слова нехорошие, музыка неприятная.

20 апреля объявлен государственным праздником.

В том, что Обама хуйло, виноват Путин.

Будет зима ядерной или ядерной...

На самом интересном проснулся.

ВАТНИК

В очереди стоял нетрезвый гражданин в ватнике. Когда он икнул, на липкой ленте перестали мучиться последние мухи, и очередь осознала запредельность его нетрезвости. Вняв женским рекомендациям о том, как следует блюсти ум, честь и совесть в нелёгких военных условиях, мужчина ответил:

— Мы с утра детский садик в порядок приводили, который укропы обстреляли. А там детские ручки, пальчики, землёй присыпаны. Я выпил водки, сколько смог. Не знаю, как жить дальше. А жить надо. И в магазин ходить надо. Простите.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Свою трудовую книжку я выпущу отдельным изданием, да и могло ли быть иначе, если фамилия моего учителя по труду Волобуев.

В проходческой бригаде я постигал историю страны, не по учебникам, а по рассказам старых работяг.

Как-то раз, дурачась в подпитии, они спросили своего приятеля, доброго и немногословного Колю:

– Расскажи, сколько немок изнасиловал?

– Ни одной, – неожиданно зло и трезво ответил он, – голодный я тогда был, сил у меня не было.

Я разговорил Колю. Оказалось, что родом он из Рязани, всю войну он прошёл во фронтовой разведке. Взяли его туда не за «спецподготовку», которой вообще не было, а за малый рост и подвижность. В первую же ночь Коля с такими же разведчиками пролез под колючей проволокой, штыком убил часового, затем, связав офицера, притащил его к своим. До этого, дома, он даже курицу не мог зарезать. Потом он блевал и плакал навзрыд. Чтобы не сойти с ума, пил спирт, протрезвев, отправился снова к немцам. И так четыре года подряд.

Когда взяли Берлин, на границе секторов возник конфликт с американцами. Коля как умел, так и поучаствовал – со стрельбой и мордобоем. Поскольку дело было на нейтральной территории, ему предложили выбирать, в руки чьего правосудия отдаться. Американцы обещали два года исправительных работ с дальнейшим предоставлением гражданства, наши – три года условно.

– Молодец, – шепнул Коле особист, – ничего тебе не будет, возвращайся домой, Родина ждёт своих героев.

– А я по маме соскучился, сил нету, – рассказывал Коля, – и согласился на наш суд, на хрена мне Америка! Откуда я знал, что у них невыполнение плана по врагам народа? Привезли меня на Красную Пресню и отправили в солнечный Магадан. Сначала семь лет впаили, потом ещё накиннули. Пока сидел, мама умерла. Родных не осталось.

Освободившись, Коля поехал в Донецк, где бывшим ЗК давали работу и с лагерным прошлым в душу не лезли.

Другой человек, чьего имени и национальности называть не стану, у таких людей их не должно быть, по пьяни рассказал свою историю:

«Колы прыйшли нимци, нас загналы у вагоны и повзлы у Германию. Страшно було, жыты хотелося. Вагон набитый, систы никуды. Мы, молоди хльопци, з одного сэла, до двэрэй сталы. Там воздушок та хлиб з водою давалы. Остальных мы ногамы отпыхувалы. А що робыты – выжиты трэба було. Колы прыхали, открылы вагон, а у дальньому вуглу мэртви лежать...»

С тех пор я разборчив в собутыльниках.

НЕ ПРОСТО ТАК

– Ответь честно, что там у вас происходит? – спросила по телефону знакомая из Запорожья.

– Украинские солдаты убивают жителей Донецка, – честно ответил я.

– Ты пойми, они же не просто так убивают, – сказала она.

Я повесил трубку.

ДОНЕЦК. КОРОТКО

Дворовой шпаны больше нет, пацаны ушли в ополчение и стали мужчинами, трезвыми, по-вольчи умными и взрослыми.

В глазах женщин проснулся огонь защитниц очага. Его не потушить тем, кто зажёт.

Ясными, как снятый с предохранителя АКМ, стали мужчины. Дружба стала братством.

Появилось слово Родина, и это не Украина. Предавшим не отмыться, но им не желают смерти, над ними смеются.

Что нас ждёт? Победа.

ДОЛГ

Пока Господь не попросил
Меня из дома обжитого,
Родного, грешного, святого,
Прошу ни времени, ни сил
Простить, кого Господь простил,
Ни разбудить себя лихого,
Ни усыпить врага благого,
Ни разлюбить, кого любил.

И, чтобы не напрасно жил,
Не стану брать с собой в дорогу,
Что должен родине и Богу,
Что от рожденья заслужил.
Хватило б времени и жил.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОРФЕЙ ДОНБАССА	3
НЕПОКОРЁННЫЙ	5
МОЙ РАЙ	6
НЕ ИЗМЕНИ	7
ТАНГО 14-ГО ГОДА	9
БЛОКАДНАЯ	11
ЦЫГАНОЧКА ПО-КИЕВСКИ	12
ДОНЕЦКАЯ СОЛДАТСКАЯ	15
ПОВЕСТЬ О РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЕ	17
ЖЕНЩИНА ХОЧЕТ ЛЮБВИ	18
ДОНЕЦКИЙ ПОЕЗД	21
СВОБОДА	23
НОЧЬ ПОД АРТОБСТРЕЛОМ	25
БЫВШИМ СОГРАЖДАНАМ	27
РОМАНС	28
ЧЕТВЁРТЫЙ ВСАДНИК	31
АНЯ	33
ЗАСТОЛЬНАЯ	34
АПОСТОЛ	36
ДАТА ЛЮБВИ	37
ДУША	38

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ	41
ДРУГОЙ НЕ НАДО.....	42
ЛИСТОПАД 15-го ГОДА.....	43
ВЕСНА 16-го ГОДА.....	45
МОЛИТВА.....	47
НОЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА.....	49
НЕ ДО ССОР.....	50
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ НЕЗАВИСИМОСТИ.....	52
НОЯБРЬСКИЙ ВАЛЬС	54
АНТИНОБЕЛЬ	57
НОЧЬ В КАНУН ВОСКРЕСЕНИЯ	58
ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ	59
АВГУСТ БЕЗ АРТОБСТЕЛОВ	61
ПОЭТ	63
ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК	64
ПРЕДАННЫЕ	65
ПАМЯТИ ВСЕХ	67
ДРУЗЬЯМ	69
ВАТНИЧЕК.....	71
ТЕЛЬНЯШЕЧКА	72
СТИХИ О ДОНЕЦКОМ ПАСПОРТЕ	74
УЙ.....	75

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ	78
ЯК КОЗАКИ КРИМ ПРОДБАЛИ	79
ЖЕРТВА МАЙДАНА.....	82
У-КАИНА.....	83
ДОМИНАНТА	84
ВИТАЛИК.....	85
О БАБАХ И БАРДАХ.....	87
ЛИБЕРАЛЬНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ	89
ПИСЬМО БЫВШЕМУ ДРУГУ	91
ЯДРЕНОЙ ИЛИ ЯДЕРНОЙ.....	91
ВАТНИК.....	93
ТРУДОВАЯ КНИЖКА.....	93
НЕ ПРОСТО ТАК.....	95
ДОНЕЦК. КОРОТКО	95
ДОЛГ	96